

Научная статья
УДК 821.352.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-331-351
EDN: TCDIXE

ПОЭТИКА АБАЗИНСКОЙ ЛИРИКИ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Пётр Константинович Чекалов

Карачаево-Черкесский Институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, chekalov58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7580-4060>

Аннотация. В статье на большом эмпирическом материале рассматриваются экспрессивные элементы абазинской поэзии конца 1940 – 50-х гг. Подробно представлены функции эпитетов «тлаш» (сильный, мощный), «лашара» (светлый), «цри» (родной), элементы цветописа («золотой луч», «белый родник», «синий май»), сравнительные обороты («подобный душе», «подобный глазу»), соотнесение различных явлений советской действительности со сталью), кальки русских стихотворных формул и фразеологизмов («железный конь», «степной корабль», «путеводная звезда», «голубь мира», «поджигатели войны»), метафоры с идейно-политической подоплекой, гиперболы как один из главных инструментов художественного пересоздания мира, смыслообраз красного знамени, мотивы строительства коммунизма, борьбы за мир; выявлены неологизмы («аркъагIагIвчва» – те, кто заставляет расцветать; «насыпрхарджьырта» – производство счастья; «амшпхьадзагIв» – календарь, «Абазашта» – Абазиния), примеры образного параллелизма, лексического кольца, эстетические функции различных междометий. Все наблюдения сопровождаются соответствующим научным комментарием и завершаются обобщающими выводами.

Ключевые слова: эпитет, сравнение, метафора, гиперболы, калька, неологизм, междометие, образный параллелизм, лексического кольца.

Для цитирования: Чекалов П.К. Поэтика абазинской лирики послевоенного времени // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 331-351. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-331-351. EDN: TCDIXE.

© Чекалов П.К., 2024

Original article

POETICS OF ABAZA LYRICS OF THE POST-WAR TIME

Petr K. Chekalov

Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Studies named after H.H. Khapsirokov, Cherkessk, Russia, chekalov58@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7580-4060>

Abstract. The article, based on extensive empirical material, examines the expressive elements of Abaza poetry of the late 1940s and 1950s. It presents in detail the functions of the epithets “tlash” (strong, powerful), “lashara” (bright), “tsri” (native), elements of color painting (“golden ray”, “white

spring”, “blue May”), comparative phrases (“soul-like”, “eye-like”, correlation of various phenomena of Soviet reality with steel), tracings of Russian poetic formulas and phraseological units (“iron horse”, “steppe ship”, “guiding star”, “dove of peace”, “warmongers”), metaphors with ideological and political underpinnings, hyperbole as one of the main instruments of artistic re-creation of the world, the semantic image of the red banner, motives for building communism and the struggle for peace; Neologisms were identified (“arkъagIagIvchva” – those who make blossom; “nasyprkhardzhyurta” – production of happiness; “amshpkhadzagIv” – calendar, “Abazashta” – Abazinia), examples of figurative parallelism, lexical ring, aesthetic functions of various interjections. All observations are supported by pertinent scientific comments and conclude with general conclusions.

Keywords: epithet, comparison, metaphor, hyperbole, calque, neologism, interjection, figurative parallelism, lexical ring.

For citation: Chekalov P.K. Poetics of abaza lyrics of the post-war time. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 331-351. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-4-331-351. EDN: TCDIXE.

© Chekalov P.K., 2024

Поэтика абазинского стиха послевоенного времени ранее не становилась объектом специального исследования, а между тем в этой области наблюдаются явления, которые не повторяются в другие периоды развития национальной поэзии. Сказанное определяет актуальность и естественный филологический интерес к избранной теме.

Статья предполагает выявление и систематизацию наиболее характерных выразительных средств абазинского поэтического текста. Материалом исследования являются стихотворные произведения, опубликованные в периодической печати или вошедшие в коллективные и авторские сборники обозначенного периода.

Основным методом работы выступает описательный, когда в произведениях различных авторов фиксируются и классифицируются повторяющиеся речевые единицы и приемы; при рассмотрении отдельных устойчивых компонентов (шествие к коммунизму, борьба за мир) используется метод мотивного анализа.

Абазинская письменная словесность берет свое начало в 1933 году, когда после обретения алфавита стали появляться первые национальные письменные тексты. Она складывалась в условиях победившего социализма, несла на себе яркие черты советской эпохи, идеологию верности избранного страной политического курса, равенства и братства народов. Коммунистическая партия представлялась как главный вершитель судеб рабочего класса и крестьянства, а ее руководители – прямолинейными и неустрашимыми борцами за счастье трудового народа. Вследствие этого молодые стихотворцы конца 1940-х – 50-х годов свое поэтическое призвание видели в первую очередь в том, чтобы воспевать социалистическое строительство, силу и мощь советского государства. Очень показателен в этом плане тот факт, что одним из наиболее употребительных слов эпохи было многозначное «тлаш» – «сильный», «мощный», «могущественный», «большой», «огромный», «крепкий» – выступавшее в качестве эпитета к существительным, обозначающим советскую родину, армию, партию, комсомол, народ... Вот лишь несколько примеров.

К. Джегутанов:

«Йтлашу Октябрь марала йырпху!» (согретый солнцем *мощного* Октября! [Джегутанов 1956: 11]),

«Йтлашу хIсоветска къраль» (*могущественная* наша советская страна [Джегутанов 1956: 14]),

«Йтлашу хIпартия ауыс» (*могучее* дело нашей партии [Джегутанов 1956: 13]);

Б. Тхайцухов:

«ЙацзакIу советска чкIвынчва хIтлашI» (мы, советские юноши, *сильны* своим единством [Тхайцухов 1958а: 8]);

П. Цеков: «Ауи тгIачва тлашI» (это *крепкая* семья [Цеков 1958b: 21]);

Дж. Лагучев: «ЙыргвныргIвы ура уыштлашу» (дай понять, что ты *могуч* [Лагучев 1958: 7]);

С. Эбзеева: «ХIпартия тлаш, хвитныгIа хIызгIазгыз» (*могучая* партия, подарившая нам свободу [Эбзеева 1955: 2]);

М. Чикатуев: «ХIкъраль тлаш ауыс дуква уыргауа» (разнося весть о больших делах нашей *могучей* страны [Чикатуев 1959: 4])...

Ни в какие другие периоды истории абазинской литературы эпитет «тлаш» не имел такой большой популярности.

Абазинское слово «лашара» выступает одновременно как существительное «свет» и как прилагательное «светлый». И в обоих случаях оно чаще всего используется не в прямом своем значении, а в переносном. Вспомним, что еще в 1941 г. М. Малхозов применил его в стихотворении «Где ты, родной наш Ленин»: «ХIара уымгIва лашара хIхчитI» (мы охраняем твою *светлую* дорогу [Малхозов 1941: 1]). Эпитет «светлая» в данном случае несет с собой семантику правильности избранного пути, ведущего к обретению народного благополучия. Эта линия была продолжена и в послевоенное время:

Уа уакIвпI йлашару мIва лызкъбауа,

Акъральква бзазаца пшдза дзырбауа.

(Это ты пролагаешь *светлый* путь, показываешь странам пример прекрасной жизни [Цеков 1959а: 4]);

ХIара хIыхъаз лашарадзата

[Псадгъыл] ЙлухтI амIва тыбгIаква.

(Очень *светлые*, широкие дороги ты [Родина] приготовила для нас [Пламя гор 1959: 88]).

Эпитет «светлый» также становится выразительным элементом, концентрирующим в себе позитивную сущность советского государства:

ДгIапшрагIатI айсра ацIхъийыгIв

Йлашару хI-Советска Союз.

(Пусть посмотрит поджигатель войны на наш *светлый* Советский Союз [Джегутанов 1956: 12]);

Ей, сара сынбджыагIвчва-лыгажкква,

ШвпшыстI хIкъраль ъадзалашару!

(Эй, друзья мои, старики, посмотрите, до чего *светла* наша страна! [Физиков 1949: 2]);

ХIкъраль лашара агъачва гъгIахIырдум.

(Мы не допускаем врагов к нашей *светлой* стране [Огузов 1950: 2]);

ХI-Псадгъыл хъагIара, хI-Псадгъыл лашара.

(Наша Родина сладкая, *родина светлая* [Цеков 1959а: 4]).

Такие сочетания невольно напоминают вступительную фразу «Слова о гибели русской земли», датированное 15-16 веками: «О, *светло светлая* и краснo украшенная земля *Русская!*»¹.

Эпитет «светлый» употребляется и в качестве комплиментарной характеристики партийного ума: «*апартия акъыль лашара*» (*светлый ум партии* [Тхайцухов 1958a: 6]), и в качестве эстетизации портрета любимого: «Уыджъымса жвпIаква амыз шIа йапшта / *Ухъанахъ лашара* апны йгIахъвитI» (густые брови твои, подобные молодому месяцу, на твоём *светлом* лбу изгибаются [Цеков 1958b: 18]). С 1950-х гг. эпитет «лашара» в абазинской поэзии становится устойчивым обращением влюбленных друг к другу.

В стихотворении П. Цекова «Слово о девушке» существительное «свет» воплощает в себе семантику знания, освобождения, прогрессивности:

Ленин йпартия амара нурква

БазгIардатI баргъи *лашара*.

(Солнечные лучи ленинской партии привели тебя к *свету* [Цеков 1959b: 4]).

В таком же ключе данное слово использовано и в стихотворении Б. Тхайцухова «Наш герб»: «ЙыкIкIитI ауи [агерб] амца апш тшынгъи уахъгъи, / Адгъыл йыквначвитI *лашара ацIабыргъ*» (днем и ночью светится он [герб], словно огонь, проливает на землю *свет правды* [Тхайцухов 1951a: 2]). И заключительный смыслообраз стихотворения также связан с данной метафорой: «Дуней ахъахъла йпсгIитI ганла – урала / *ХIцIабыргъ алашара*, йымчвуа, йкIкIауа» (летит поверх планеты вдоль и поперек *свет нашей правды*, не угадая, сверкая [Тхайцухов 1951a: 2]). Обратим внимание на то, что троп «*свет правды*» превращается в ключевой самостоятельный образ, вмещающий в себя все правдивое и истинное.

В редких случаях «лашара» использовалась и в значении просвещения: «ЙайтI йынцIра ауагIа рбазара *лашарара*» (посвятил свою жизнь народному *просвещению* [Физиков 1950b: 2]).

Также в значении существительного и прилагательного выступает и слово «*хъапц*» (*золото, золотой*).

Золото как драгоценный металл ценился еще с древних времен. Факторами, обуславливавшими его значимость, стали редкость, долговечность и ковкость. Золото не тускнеет и не окисляется, вследствие чего и получил статус благородного металла². Поэтому во многих языках соотнесения предмета разговора с золотом стало традиционной похвалой. Абазины не явились исключением и в годы становления литературы многократно использовали соответствующие эпитеты и сравнения даже в тех случаях, когда они оказывались явно не подходящими, искусственными. Так, например, Дж. Лагучев вполне серьезно провозглашал: «ШвпшыстI, абан йкIкIитI гъагъата / Ауи [апартия]

¹ Слово о гибели Русской земли // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://skazki.rustih.ru/slovo-o-pogibeli-russkoj-zemli/>_Дата обращения: 23.10.2023.

² Почему золото настолько ценится? // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/XfnotRqGCJy-NVOP>_Дата обращения: 23.10.2023.

йгІахъыщІауа *анур хъащквa*» (смотрите, вон кругом сверкают излучаемые ею [партией] *золотые лучи* [Лагучев 1958: 4]). И Б. Тхайцухову казалось уместным соотнесение государственного герба с золотом: «Архъаква, йдуу атобаква рхъахъ / Гъагъата йнаубитІ *йхъащквa Советска герб*» (над полями, большими холмами виден круглый *золотой Советский герб* [Тхайцухов 1951а: 2]). Нередко эпитет «золотой» применялся по отношению и к конституции:

«*Хъащквa нурта* ауи [конституция] йгІахъыщІауа, / Адуней шабгу гІанаркІкитІ» (*золотые лучи*, что исходят от нее [конституции], весь мир озаряют [Лагучев 1952: 2]);

«*Хъдзыла* йаныпІ хІ-Конституция / ПсегІачІвыта сшхвиту са» (*золотой водой* вписано в Конституции, что я свободен, как птица [Джегутанов 1956: 27]).

Не черным по белому, а именно «золотой водой» вписаны в конституцию права граждан. Словосочетание не только эстетизирует основной закон страны, но и подчеркивает значимость, сакральность его содержания.

Но чаще всего эпитет «золотой» или сравнения с золотом использовались в отношении созревшего зерна или собранного урожая:

«ЙгІаквыргитІ *ахъащквa гвадз* архъа» (с полей убирают *золотую пшеницу* [Тхайцухов 1951b: 2]);

«ГІвына змахымкІва рхъа бажквата йуыму / ЙгІахІыртитІ *ахъащквa йащквa атышгІвра*» (бескрайние твои богатые поля дают нам *подобный золоту урожай* [Братов 1953а: 2]);

«Тенгъызта йкІвазауа *атышгІвра* / *Хъащквa нургъи* гІахъыккъауа йгылапІ» (волнуясь, как море, стоит *урожай, сияя золотым лучом* [Джегутанов 1952: 2]);

«Амашквa рпны атышгІвра / *Хъащквa зышквa* йаквыпІ» (на токах урожай высится, *словно золото* [Кунижев 1949: 2])...

Существует определенная колористическая связь между золотом и зерном: и первое, и второе имеют единый желтый цвет. Помимо того, сближение происходит и по линии ценности: урожай, вложенный в него крестьянский труд, обретают ту же значимость, что и драгоценный металл. Иногда определенную связь с золотом обнаруживают не только зерновые культуры, но и другие растения. Правда, связь эта оказывается опосредованной, как в стихотворении И. Табулова «Жатва пшеницы»: «Ауахъ йгІайыз апстІа / АхІвраквa йрыквчвалІ *хъдзыта*» (сошедшей ночью росой обрызганы травы, словно *золотой водой* [Табулов 1948b: 2]). Как видим, с золотом соотносятся не сами травы, а посверкивающие на них утренние росы. В таких случаях сравнение выполняет чисто эстетическую функцию без видимой социальной подоплеки, как в рассмотренных выше примерах. Такую же роль выполняет словосочетание «золотой луч» в составе метафорической строки: «ЙгІакІкІатІ ашахв *хъащквa нурла*» (засверкала заря *золотым лучом* [Цеков 1958b: 19]).

Воссоздавая панорамную картину наступления горного рассвета, К. Джегутанов в стихотворении «Утро в горах» кульминационным выделяет момент появления солнца, когда его лучи окрашивают в золотистые тона всю округу: «Ауи ашІыпІа амара нурквa / *Йхъащквa квышыру ршвыга* йхънаккъытІ» (и всю местность солнечные лучи одевают в *золотые краски* [Джегутанов 1956: 30]). А

у Дж. Лагучева любимая, как легендарная Кайдух, способна излучать свет: «Марадзашва хьатиц нур гIалхьыцIуа» (словно от настоящего солнца, исходят от нее *золотые лучи* [Слово горцев 1954: 34]).

Любопытна и другая цветовая символика.

Одно из колористических определений «белый», что станет знаковым в последующем творчестве М. Чикатуева, впервые проявится в заключительном стихотворении цикла «Несколько строк о Какане». Наблюдая за родником, прорвавшимся из-под скалы, лирический герой восторженно восклицает:

Ауи аъара мыч абагIанаг
Ари *ашIкIвокIва* чкIвын йхъвмаруа?

(Откуда столько мощи у этого маленького, *беленького*, что резвится? [Пламя гор 1959: 74]).

Возможно, под влиянием С. Есенина («*Май мой синий*, июль голубой») у М. Чикатуева в том же цикле стихотворений рождается образ синего мая: «Щта, йшпабцти *май чIыхв* агвыргъяхъв?» (как провела ты радостный день *синего мая*? [Пламя гор 1959: 74]). Впоследствии этот же образ в преобразованном виде проявится в стихотворении К. Мхце «Поезд судьбы»: «Бзила, *сыгIапын чIыхв*, бзила, сыпхын сайыр» (до свиданья, моя *синяя весна*, до свиданья мое *счастливое лето*) [Мхце 1983: 13]).

Обратим внимание на намечающийся сдвиг: по отношению к месяцу маю используется эпитет «синий» вместо «зеленый», а по отношению к роднику – «белый» вместо «прозрачный».

Распространенным языковым средством, выражающим близость, родственность к человеку, природе, родине выступал эпитет «*цри*» (*родной*): «схагIагв *цри*» (*родной* мой край [Чикатуев 1958а: 74]), «ЙысхIвитI абаза *цри* бызшвала» (говорю на *родном абазинском языке* [Джегутанов 1958а: 4]).

В таком же качестве выступали устойчивые сравнительные обороты «*спсы йапшу*» (подобный моей душе), «*сыла йапшу*» (подобный моему глазу):

«О, с-Кавказ хагIагв, абгъыц, *сыла йапшу*» (о, кавказский край, лепесток, *подобный моему глазу* [Чикатуев 1958а: 4]);

«О, КIакIана! Йбдырында, *спсы апшта*, / Бара заджвыкI бзидзда бшызбауа» (о, Какана! Знала бы ты, что одну тебя люблю, *как собственную душу* [Пламя гор 1959: 74]).

Мощь государства, несокрушимость армии, крепость духа народа, его единство в поэзии 1950-х гг. передавалось через сравнение со сталью:

«ХIкъраль апны йдздрыжвитI джыр щарда. / ХIтрудящаква *аджыр апшта* йбагъапI» (в нашей стране выплавляют много стали. Наши трудящиеся крепки, *как сталь* [Лагучев 1950: 2]);

«ЙурыбагъытI *аджыр апшта*, / ХI-Родина, бзи йыгIбауа» (укрепляешь нашу родину любимую, *словно сталь* [Физиков 1954: 2]);

«УбагъахитI [ар] *аджыр йдздрыжсва апшта*» (ты [армия] становишься крепкой, *словно закаленная сталь* [Джегутанов 1956: 16]).

В произведениях рассматриваемого периода очень часты были упоминания о коммунизме, достижение которого выступало высшей целью советского народа:

«ЙаргванхитI коммунизма акIара» (приближается коммунизма сияние [Братов 1950d: 2]);
 «ХIшазцауа коммунизм хIагIа» (идем к коммунизму высокому [Лагучев 1958: 6]);
 «Уара хIазуырцитI коммунизм анур» (ты ведешь нас к лучу коммунизма [Джегутанов 1956: 22])...

Подобных примеров – великое множество. Мотив движения к коммунизму проявлялся даже в стихотворении, посвященном А.С. Пушкину: «ХIазцапI хIара йхьахIцауата коммунизма!» (уверенно *дойдем мы до коммунизма!* [Тамбиев 1949: 2]). В отдельных случаях коммунизм представлялся в образе лучезарного здания: «ХIазцапI атыдз чIарачIа ласдза, / Анур пшдзаква гIазхьыкьбауа» (*скоро дойдем мы до изящного дома, от которого исходят прекрасные лучи* [Физиков 1951: 2]).

Другим частотным мотивом выступал мотив борьбы за мир:

«Айшчва, <...> / амамырагIа штIыхIхпI хIагIата, / шьата хIацIагылтI ауи» (братья, <...> *вознесем мир высоко, послужим опорой для него* [Шхаева 1958: 4]);
 «АуагIа зымгIва азабакIитI амамыр» (все люди *борются за мир* [Тхайцухов 1951a: 2])...

Факт того, что советские люди являлись приверженцами мира, упоминалось многократно, причем не только в произведениях соответствующей тематической направленности, но даже и в сельскохозяйственной: «амамырра бзи йызбауа хIуагIапI» (*мы – люди, любящие мир* [Физиков 1950a: 2]).

Флаг страны наряду с гербом и гимном выступает государственным символом. Поэтому он являлся постоянным атрибутом произведений конца 1940-х – 50-х гг. И чаще всего он изображался поднятым:

Дугьы, чкIвынгIа зымгIва гвыргьарала
 ЙыштIырхитI хIбаракьгьы хIагIата.
 (И взрослые, и дети, все радостно *поднимают наш флаг высоко* [Братов 1949b: 2]);
 УымгIвайситI [комсомол] уамайчуата, абаракь хьаугьылуа.
 (Шагаешь [комсомол] *непрестанно, вздымая знамя* [Шереметов 1949: 2]);
 Йахьагылу баракь къапцыта
 Апшыхь хвит йынкьвнагитI.
 (Красный флаг [над зданием] *вольный ветер развевает* [Братов 1950c: 2]).

Красный флаг в таких случаях выступает символом установившейся советской власти, верности идеям социализма.

ЙбазлуштI Ленин йбаракь дудзда,
 ХIаркIкIитI уахьынлагьы тшынлата.
 (Будет жить великое *знамя* Ленина, освещая нас и ночью, как днем [Джегутанов 1950: 2]).

Образ бессмертного знамени, чей свет не меркнет даже ночью, воплощает в себе живую силу революционных идей Ильича. И демонстранты, несущие флаги с изображениями вождей, – свидетельство неизменности избранного политического курса:

ЙырхъадзгылапI абаракъ къапцквa,

Ленин, Сталин рыквта хъдзыла.

(Над ними красные флаги с золотыми портретами Ленина, Сталина [Физиков 1950а: 2]).

АйгIайра абаракъ хIагIата йщтIыхIхпI хIара.

(Знамя победы мы поднимем высоко [Тхайцухов 1958а: 4]).

Вознесение знамени победы означало демонстрацию силы, напоминание врагам исторических уроков, в которых советские воины выходили победителями. Также оно выступало символом бывших и будущих побед, неприступности и непобедимости советской страны:

Айсра ацIызхъиквауа йрахIв,

XIбаракъ щцтIыху йауацIыхта.

(Донеси поджигателям войны, что флаг наш развернут и поднят [Лагучев 1958: 6]).

Развернутый и поднятый флаг также означал постоянную боеготовность, способность отразить любую агрессию. В других случаях призыв вознести знамя мира свидетельствовал о приверженности к миру, борьбе за мир: «*XIбаракъ мамыр хIазгIайхтI хIара. / ЙыщтIыхIхпI йцрыцыруа хIагIата, / ЙыщтIыхIхпI, йазхъахIцауа хIкъару*» (мы возвратились к своему мирному знамени; поднимем его, сияющего, высоко, поднимем, веря в свою силу [Тхайцухов 1958а: 34]).

Если красный флаг встречался в контексте производственной тематики, он олицетворял преданность крестьян и рабочих идеалам социализма:

ЙащтапI йпельуану хIара хIуагIа <...>

Нхара баракъ хIагIа щтIырхра.

(Стремятся наши люди-богатеры поднять высоко трудовое знамя [Джегутанов 1952: 2]).

Призыв поднять знамя труда равносильно призыву отдать все силы борьбе за урожай, за высокие производственные показатели: «*ЙыщтIых анхара баракъ къапц*» (поднимай красное знамя труда [Джегутанов 1951а: 2]); «*Архъа нхагIвгьи ашахтергьи / Абаракъ къапц хIагIата йщтIыхIхтI*» (работник полей и шахтер подняли высоко красный флаг [Цеков 1958а: 4]).

Флаг имеет консолидирующую, объединяющую силу: «*АдахIвра шIыцквa хъызтIуа анхачва, / АйгIайра баракъла йазкIкIу!*» (достигающие новых успехов трудящиеся, собранные красным знаменем победы [Джегутанов 1951b: 2]).

Но порой красный флаг на передовом тракторе выступает свидетельством верности, незыблемости слов, высказанных влюбленными друг другу:

Уа йухъагылу абаракъ абрыбырра

ЙгIаснахIвитI ацIабыргера йхIхIваз йахъа.

(Реяние флага над тобой говорит мне о верности сказанных тобой вчера слов [Джегутанов 1955: 2]).

В иных случаях флаг выступал опосредованно, придавая обычной крестьянской работе идейно-политическую окраску при помощи цветовой символики:

Акомбайн дуква йГарбкъауа атшыГвра
Йкъахвта йГаргитI ауандыр къапцкъа.

(Обмолоченное большими комбайнами зерно бодро свозят *красные телеги* [Братов 1949а: 2]).

В данном случае эпитет «красный», скорее всего, восходит к красным флагам, устанавливавшимся на подводах передовиков. Таким образом, происходит перенос цвета флага на весь обоз. И в таком семантическом ключе «красный» означал более сознательный, просоветский, коммунистический подход к делу.

Расширение образности, развитие национального литературного языка происходило через усвоение, прямое калькирование устойчивых русских стихотворных формул, словосочетаний, фразеологизмов. Так, большое хождение в стихотворной речи изучаемого периода имели метафоры трактора (железный конь) и комбайна (степной корабль):

«Айхатш дуква хЫрквчIвата / Адгьыл бзиква хЫрхарджьитI» (на больших *железных конях* мы обрабатываем землю [Табулов 1948а: 2]);

«Роза айхатш даквчIвата / Адгьыл ахъахъ агIвлырсситI» (Роза на *железном коне* разрезает землю [Лагучев 1951: 2]);

«Амара анурква гIацIшвтгIвацазтIхIва / Архъа хъвыхI абжьы гIагитI» (хотя солнечные лучи только проглянули, но уже раздаётся шум *степного корабля* [Цеков 1958b: 12]);

«Абаракъква рхъагыла, / Архъа хъвыхIква дзцитI» (с прикрепленными красными флагами плывут *степные корабли* [Братов 1954: 2])...

Заметим, что в абазинской поэзии конца 1940-х – 50-х гг. метафорические образы трактора и комбайна встречались гораздо чаще, чем сами наименования сельскохозяйственных машин.

Также зазвучали на абазинском и другие русские фразеологические обороты:

«ЙазакIу хIтгIачванI – хIацынхитI» (мы – *единая семья*, работаем вместе [Братов 1950b: 2]);

«Ауат [совет аугIаква] амамыр йатланькъву уагIанI» (они [советские люди] – *сторонники мира* [Джегутанов 1951b: 2]);

«Амамыр хIвыхIе йазнакIкIыз абакIчва» (собранные *голубем мира* борцы [Джегутанов 1951b: 2]);

«НьбджьагIе квIикI агIвдыджьгIи хIтачауа» (*из одной* товарищеской *миски* ели вдвоем [Голос молодых 1953: 185]);

«Ауат рсатыр апны угIагылта» (*становись в их строй* [Тхайцухов 1958а: 3]);

«Укъальам йГлахъыцIта йГланхаз – / ХIара йхIгIарбага йачIванI» (то, что сошло с кончика твоего пера, является для нас *путеводной звездой* [Братов 1956: 2]);

«Айсра цIарысчва хIырхчIыпI» (мы сокрушим *поджигателей войны* [Физиков 1951: 2]);

«Къару квайчIвата йгъаам йыззыптшуаш / Акъала ду – мамыр уагIа рмахъвшIаква» (нет таких *темных сил*, которые могли бы разрушить большую крепость – *запястья* людей мира [Джегутанов 1956: 14]);

По стилистике приведенных примеров можно установить, что они носили преимущественно публицистический характер. Количество и разнообразие усвоенных метафорических образов и устойчивых сочетаний слов указывает на то, что абазинская поэзия развивалась в русле традиций русской словесности. Дополнительным свидетельством тому является и пушкинский мотив («Поднимем стаканы, содвинем их разом»), отчетливо проявившийся в стихотворении Б. Тхайцухова «Да здравствует Советская армия»: «*ЙаццтIыхIхпI астаканква, йадхIкьяалпI зынла*» (*поднимем вместе стаканы и чокнемся сразу* [Тхайцухов 1950b: 2]).

О творческом потенциале абазинских авторов можно судить и по тому, что они в этот ранний период становления национальной литературы вторгались в область словотворчества. Так, Б. Тхайцухов в стихотворении «Сон поэта» использовал неологизм «*аркьяагIагIвчва*» со значением: *те, кто заставляет расцветать*:

Сара йызбитI насыпта йдрыцIсуа
ХIхагIагв *аркьяагIагIвчва*.

(Я вижу, сколько счастья добывают *те, кто заставляет расцветать* нашу родину [Тхайцухов 1958b: 4]).

П. Цекову в «Счастье надежды» основа благополучия виделась в материально выраженных образах: стали, крепости, семьи, завода, поля:

ХIгвыгья ащата йкьяла багьяапI,
КьярукI йзыпытшущуаш йджыр аларчвапI;
Ауи тгIачва тлашпI, ауи завод дупI,
Ауи *насыпрхарджьырта* рхьяапI.

(Основа нашей надежды – неприступная крепость, ни одной силе неподвластный сплав стали; это – крепкая семья, большой завод, это поле, на котором *выращивают счастье* [Цеков 1956: 2]).

И заключительный прекрасный метафорический образ поля, *производящего счастье*, автор воплотил в одном емком и в высшей степени удачном новообразовании: «*насыпрхарджьырта*».

У абазин календари раньше не водились и, естественно, не было лексемы, обозначающей данный предмет. Но в стихотворении «Находясь в Москве» Чикатуеву понадобилось это слово, и оно родилось на абазинском языке: «*амипхьядзагIв ахья асыркьячIтI*» (я надоел *календарю* [Чикатуев 1958: 10]).

16 октября 1958 года этот же автор обнаружил стихотворение, в названии которого использовал неологизм «*Абазашта*», – не географическое, а литературное обозначение родины, места обитания абазин. Значение его по-русски можно передать как «*Абазиния*». Впоследствии слово обрело чрезвычайную популярность, а с 1991 года абазинская газета получила название «Абазашта». Одним из первых, кто подхватил нововведение Чикатуева, был К. Джегутанов, который через месяц с небольшим в стихотворении «Рад тебя увидеть» повторил и тем самым утвердил в правах гражданства новообретенное слово:

С-Абазашта апныла тшгИадрауын

СштЫрпгIатI са агIвайха махъакI.

(В сторону моей *Абазашты* протянулись и подхватили меня две стальные руки [Джегутанов 1958b: 4]).

Одновременно с этим в заключительной части поэт использовал оригинальную метафору: «агIвайха махъакI» (*две железные руки*). Они обозначали то же самое, что и устойчивое русское словосочетание «железнодорожный путь» или «железнодорожная колея».

В стихотворении «Моя песня» П. Цеков включил стандартную формулу о том, что советские люди выполняют пятилетний план:

ХIгвква адгыла, хIуыс закIыта

Ахвысквша хачIвква нахIырхъитI.

Но в этот тезис он включил удачно составленное сочетание «хIгвква адгыла» (*выстроив рядом сердца* [Цеков 1958b: 6]). Оно заключает в себе тот же смысл, что и русский фразеологизм «плечом к плечу». Но абазинский автор нашел свежую и более соотносящуюся с законами национальной речи форму выражения.

Для абазинских стихотворцев 1950-х гг. гипербола оказалась главным и универсальным инструментом в художественном пересоздании мира. Неумеренному преувеличению подвергались практически все стороны действительности, даже – Первомай:

АпсацIла ацкIыс йхIагIу,

АджычIв ацкIыс йбагъу,

Амара ацкIыс йлашару

ЙгIаталтI хIпраздник ду.

(Выше пихты, крепче дуба, светлее солнца пришел к нам наш большой праздник [Тамбиев 1950: 2]).

Лирический герой Р. Кенжева пытается объясниться в любви к родине с помощью гиперболы, и у него выходит:

Уа бзибарата йуызсыму

ЧIвыли жвгIванди йгъырбжъашвум.

(Любовь моя не умещается между небом и землей [Кенжев 1958: 4]).

И. Табулов так описывает колхозное хозяйство:

Рхъи рцIыхъви абамбахуа

ХIырахв ахIвырта йыквпI.

Йызкву адгъыл арыгъызуата

Анхараква хIтенгъызпI.

(Не видно начала и конца нашим стадам на пастбищах. От нашего урожая, подобного морю, стонет земля [Табулов 1948a: 2]).

Не чуралась гипербол и С. Эбзеева. В стихотворении «Весна и молодежь» она говорила:

ТшщтІнахитІ рыщІагы рбзибара,

АйачІва хІагІаквадза раъара.

(Любовь [молодых людей] возносится до самых звезд [Эбзеева 1950b: 2]).

К. Джегутанов измеряет сплоченность сторонников мира соотношением с мощностью атомной бомбы:

Йгъамам къарута атомна бомба

Мамырра къару пнатшырныс.

(Нету у атомной бомбы силы, чтобы одолеть мощь мира [Джегутанов 1951b: 2]).

Лирическому субъекту стихотворения М. Чикатуева «Великий Октябрь» при произнесении названия месяца свершения социалистической революции чудится, будто природа начинает менять свой облик:

Рудзышвара

гІванла йазхІитІ

ахІвраква,

ЙрызхІитІ уабчвахъылпата

ацІла быгъкъва,

Адзыхъ чІкІвынква

дзыгІвхитІ,

адзыгІвква

тенгъызхитІ,

ЙгІвуз ахІвра гІважъква

удзышва чва рхъыситІ.

(Травы становятся зеленее в два раза, листья на деревьях увеличиваются, словно войлочные папахи, маленькие ручейки превращаются в реки, а реки – в моря, засыхавшие желтые растения снова превращаются в зеленые [Цветение весны 1959: 89]).

Казалось бы, гипербола как литературный прием и призвана преувеличивать предметы, факты, явления. И тем не менее в абазинском варианте она представляется чрезмерной, избыточной, эстетически не оправданной, дискредитирующей собственные художественные функции.

В поэзии конца 1940-х – 50-х гг. существенное место занимал идеологический компонент. И обычно он придавал произведениям публицистический стиль, лишал лиризма, придавал сухость предмету разговора. Но, как ни покажется странным, отдельные политические лозунги эпохи звучали очень живо, оригинально, когда их переводили на язык троп. Приведем несколько таких примеров:

«Ленинизм – ацІабырг йамарапІ» (Ленинизм – солнце правды [Тхайцухов 1950а: 2]);

«Ленин – ареволюция арыпхъагІв» (Ленин – учитель революции [Братов 1950а: 2]);

«Уара [Ленин], абазара хвит ауыхвагІв» (ты [Ленин] – новой жизни строитель [Братов 1950а: 2]);

«Ленин йбаракъ – хІымара, / Ленин йажва – хІымгІва» (знамя Ленина – наше солнце, слово Ленина – наша дорога [Табулов 1959: 4]);

«ХІпартия, ари Ленин йгвы йынхауа» (наша партия – работающее сердце Ленина [Чикатуев 1959: 4]);

«ХІкъраль пельуан коммунизмла йанпсыпынкъвгауа» (когда отечество-богатырь дышит коммунизмом [Чикатуев 1959: 4]);

«Сталин – айгГайра баракъ» (Сталин – знамя победы [Джегутанов 1951с: 2]);
 «ХІпсадгьыл Россия – адуней ашахв» (наша родина Россия – заря планеты [Цеков 1959а: 4]).

Данные метафоры представляются действительно удачными.

Прием олицетворения успешно применен К. Джегутановым в стихотворении «Утро в горах»:

Араъа йхъашлу хІыщхъа цриква
 ЙапылхъатІ пасата ашахв:
 Йдута, йгІабгъапишуа, йхъивашву рпсыкв
 ЙгІалбгІырицтитІ...

(Здесь седоглавые родные наши горы рано выступили навстречу заре; большие, глядящие вниз, они спускают свое холодное дыхание... [Джегутанов 1956: 29 – 30]).

Как видим, горные вершины не только ступают навстречу восходящему солнцу, они еще поглядывают вниз, выпускают холодное дыхание в долины.

Редкий случай образного параллелизма обнаруживается в стихотворении С. Эбзеевой «Лучи коммунизма»:

Зыщайдза бгІауа ацІлажв
 ЙыгъгІаунатхуам бгъы, швырбажв. <...>
 Зурала йбагІаз абзаражв <...>
 Йгъалахым анхачва рхайыр.

(Дерево с загнившими корнями не распускает листву, не дает фруктов. <...> В прогнившей насквозь старой жизни <...> нет никакой отрады для труженика [Эбзеева 1950а: 2]).

Через сопоставление старого, больного дерева, не способного давать ни листвы, ни урожая, поэтесса наглядно представляет бесперспективность старой жизни, в которой трудящиеся были отрезаны от благ жизни.

В стихотворении П. Цекова «Большой аул на берегу Инжича» впервые применено лексическое кольцо – дважды в одной строфе, – придающее стихотворению неподдельно грустное настроение:

Араъа дычванІ, дычванІ араъа
 ХІгвы йтымцІхуа айсра апны дыщхан,
 Араъа дычвитІ, дычвитІ араъа
 Абатыр шІа хахва, апартизан.

(Здесь спит, спит здесь убитый на незабываемой нами войне. Здесь спит, спит здесь юный, храбрый батыр-партизан [Цеков 1958b: 8]).

Экспрессивным элементом стихотворной речи, выражающим или способствующим раскрытию душевного состояния героев, выступают междометия. Из них национальные стихотворцы чаще пользовались «о», которое придает тексту возвышенную тональность. Так, через все стихотворение М. Чикатуева «Находясь в Москве» рефреном проходит восклицание «О, схагІагв, бзидздза уызбитІ» (о, мое отечество, люблю тебя сильно [Чикатуев 1958b: 9–10]). И в другом произведении тот же автор патетически обращается к своей малой ро-

дине: «*О*, с-Кавказ хагІагв, абгъыц, сыла йапшу, / Абазашта, бзидзда йызбауа!» (*о*, кавказский край, лепесток, подобный глазу, Абазашта любимая моя! [Чикатуев 1958а: 2]). С той же риторической интонацией свои слова адресует столице К. Джегутанов: «*О*, Москва, сбзахара гІащІызыхыз» (*о*, Москва, вознесшая мою жизнь [Джегутанов 1958b: 4]), а К. Шхаева вызывает в памяти образ отца: «*О*, саба, саба, сыла йапшу» (*о*, отец, отец, подобный моему глазу [Шхаева 1959: 4]).

Примеры подтверждают, что междометие «*о*» привносит в повествование эмоциональный накал, возвышенный строй речи.

«*Уа*» – абазинский эквивалент русского междометия «*о*» – употреблен Б. Тхайцуховым в стихотворении «Ее глаза»:

Уа сбыхІвахитІ: сбымблын,
ЙгІасахІв йзырбзихуш схвырта.
(*О* прошу тебя: не сжигай, скажи, чем излечить мою рану [Пламя гор 1959: 59]).

Возглас отчаяния, выраженное междометием «*уа*», усиливает бедственное положение лирического героя, раненого красотой карих глаз красавицы.

По своему эмоционально-смысловому наполнению «*ох*» сближается с «*о*»: «*Ох*, йабадзагъи гвлахІару / Асы пычІвта йангІасуа» (*ох*, до чего же приятно, когда падает первый снег [Ручейки текут к морю 1957: 30]); «*Ох*, схъагІара, гвыла-псыла / Бзи бызбитІта, сбыщІ анцІрала» (*ох*, сладкая моя, люблю тебя всем сердцем и душой, и потому я навечно рядом с тобой [Ручейки текут к морю 1957: 30]).

«*Ой*» привносит в речь элемент удивления, приятной неожиданности. Именно эту функцию выполняет оно неоднократно в стихотворении П. Цекова «Песня, радости песня»: «*Ой*, хІара хІашва, хІгвыргъъара ашва» (*ой*, наша песня, радости песня [Цеков 1958b: 11]), «*Ой*, хІара хІырхъа, йыгъвгъвару хІышта» (*ой*, наше поле, равнинная родина [Цеков 1958b: 11]).

Междометие «*эх*» обычно выражает или усиливает сожаление: «*Эх*, саца, угІасхышвитІ» (*эх*, брат, отстаешь от меня [Джегутанов 1959: 4]). Такие же эмоции несет и «*ах*»: «*Ах*, йабоу, йысмачІпІ ажва, / СагІвкъытІ йысмауата йызласхІвуш» (*ах*, где ж они, мне мало слов, разрываюсь, не находя, чем высказаться [Лагучев 1958: 29]). Попутно укажем на явную смысловую перекличку данной фразы со строками В. Маяковского из поэмы «Владимир Ильич Ленин»: «Как бедна у мира слова мастерская! / Подходящее откуда взять?» [Маяковский 1978: 257].

Стихотворение Б. Тхайцухова «Кто остался обманутым?..» [Тхайцухов 1958а: 44] состоит из четырех пятистиший, каждая из которых представляет завершенную сценку, а заключительная строка каждой строфы выражает отношение лирического субъекта к сложившейся ситуации. И выразительными средствами, передающими настроение героя, его душевное состояние, выступают междометия «*ох*» и «*эх*».

В первой строфе говорится о том, что в понедельник, увлекшись играми, ученик не подготовил домашнее задание, и учитель не вызвал его к доске. Это

обстоятельство констатируется в пятой строке: «Ох, дыгъгІасымцІгІатІ!» (ох, не спросил!). При этом междометие «ох» указывает на испытанное школьником облегчение, а восклицательный знак – на радость по случаю счастливого избежания наказания за неподготовленный урок.

Содержание второй строфы сводится к тому, что во вторник ученик выучил задание и весь урок сидел с поднятой рукой, желая отличиться, но учитель снова проигнорировал его. Завершается фрагмент строкой: «Эх, йыгъсызшам зынгы» (эх, не везет мне никогда). Междометие «эх» фиксирует сожаление по потерянному шансу получить хорошую отметку.

Следующая строфа о среде, к которой школьник снова не подготовился, но на этот раз он попался, и учитель выставил ему «кол» в дневнике. И повторяющаяся строка, завершающая сцену, «Эх, йыгъсызшам зынгы» (эх, не везет мне никогда) выражает досаду на несчастливую судьбу, и междометие оттеняет внутреннее состояние лирического героя.

В четвертой строфе к ученику приходит осознание, что учиться нужно не время от времени, а постоянно. Заметив изменившееся отношение к учебе, учитель похвально отзывается о герое. И восхищение школьника проницательностью преподавателя снова обозначается с помощью того же междометия «эх»: «Эх, дгъузыжьушым ауи» (эх, его не проведешь).

Таким образом, каждое междометие усиливает или оттеняет эмоциональное состояние героя, а некоторые из них в зависимости от контекста могут нести различный смысл: сожаление и досаду, с одной стороны, восторг и почтение, с другой. Стоит отметить и тот немаловажный факт, что абсолютное большинство междометий абазинская поэзия позаимствовала из русской.

Рассмотренный материал позволяет выявить, что абазинские стихотворцы конца 1940-х – 50-х гг. пользовались определенным набором характерных для своей эпохи выразительных средств. Среди них на первый план выходят слова «тлаш» (мощный, огромный), «лашара» (свет, светлый), «хьапщ» (золото, золотой). Первое из них выступает как эпитет, а последующие два – в качестве существительных и прилагательных одновременно. Выполняя различные функции, они служили эстетизации предмета описания: «тлаш» указывало на силу и мощь армии, страны, коммунистической партии, комсомола, революционных идей; «лашара» раскрывало позитивную сущность советской страны, воплощало в себе семантику знания, освобождения, прогрессивности; «хьапщ» подчеркивало ценность, сакральность советского герба, конституции СССР, но чаще всего соотносилось с созревшей пшеницей и убраным урожаем. Эпитет «цри» (родной), устойчивые сравнительные обороты «спсы йапшу» (подобный душе моей), «сыла йапшу» (подобный глазу моему) также были распространены и указывали на близость и родственность окружающего мира лирическому герою. Нерушимость страны, непоколебимость армии, сплоченность народа обычно представлялось через уподобление стали.

Характерной чертой изученного литературного периода являлось частое упоминание о шествии советского народа к коммунизму и борьбе за мир. Сообщения подобного плана встречаются практически у всех авторов. Образ разверну-

того и поднятого флага, как правило, знаменовал собой незыблемость советской власти, верность идеям социализма и избранному политическому курсу.

Развитие литературного языка шло по пути переложения на абазинский язык популярных в русской поэзии метафорических образов и устойчивых словосочетаний: «железный конь» (айха тшы), «степной корабль» (архъа хъвыхI), «свет правды» (ацIабырг алашара), «голубь мира» (амамыр хIвыхIв), «сторонники мира» (амамыр атланькъвагIвчва), «путеводная звезда» (агIарбага йачIва), «темные силы» (акъару квайчIваква), «поджигатели войны» (айсра ацIарысчва) и др. Преимущественно усвоение подобного материала происходило через прямое калькирование, но в отдельных случаях национальные авторы проявляли творческую изобретательность, перекладывая с помощью оригинальных метафор суть таких выражений, как «железнодорожный путь» («агIвайха махъакI». – К. Дзегутанов) или «плечом к плечу» («хIгвква адгыла». – П. Цеков). Также показателем словотворчества являются новообразования М. Чикагуева «Абазашта» (Абазиния), Б. Тхайцухова «аркъагIагIвчва» (те, кто заставляет расцветать), П. Цекова «насыпрхарджьырта» (производство счастья).

Приведенный материал свидетельствует о том, что гипербола для абазинских стихотворцев выступала одним из главных и самых распространенных средств художественного пересоздания действительности. Отмечается злоупотребление данным приемом: нередко гипербола оказывалась чрезмерной, эстетически неоправданной. Зато оригинальными являлись многие метафоры с идейно-политической подоплекой. Также интересными представляются отдельные примеры олицетворения, образного параллелизма, лексического кольца, экспрессивные функции междометий.

Итак, наряду с поэтическим освоением действительности происходило освоение и литературного языка. И процесс этот был обусловлен духом эпохи, общественной атмосферой времени, в котором возрождались национальная словесность. Этим и объясняются многочисленные художественные детали, образы, мотивы, связанные с социализмом и советской властью.

Таким образом, в течение 1948–59 гг. был наработан определенный творческий опыт, на базе которого стало возможно активное развитие абазинской литературы в последующие годы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Братов 1949а – *Братов К.* Поможем всем // Красная Черкесия. – 1949. – 4 августа.
Братов 1949б – *Братов К.* Ты наш родной, дорогой // Красная Черкесия. – 1949. – 21 декабря.
Братов 1950а – *Братов К.* Ленин с нами // Красная Черкесия. – 1950. – 21 января.
Братов 1950б – *Братов К.* Наша победа // Красная Черкесия. – 1950. – 9 мая.
Братов 1950с – *Братов К.* Сталин ведет нас к коммунизму // Красная Черкесия. – 1950. – 7 ноября.
Братов 1950д – *Братов К.* Луч прекрасной жизни // Красная Черкесия. – 1950. – 5 декабря.
Братов 1953а – *Братов К.* Товарищ // Голос молодых. – Черкесск, 1953. – С. 185.
Братов 1953б – *Братов К.* Цветет моя Черкесия // Социалистическая Черкесия. – 1953. – 30 апреля.
Братов 1954 – *Братов К.* Вечер в колхозе // Социалистическая Черкесия. – 1954. – 25 сентября.

- Братов 1956 – *Братов К.* Ленин // Социалистическая Черкесия. – 1956. – 22 апреля.
- Голос молодых 1953 – *Голос молодых* / Составитель Х. Жиров. – Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1953. – 207 с.
- Джегутанов 1950 – *Джегутанов К.* Великий вождь // Красная Черкесия. – 1950. – 22 апреля.
- Джегутанов 1951a – *Джегутанов К.* Мой край // Красная Черкесия. – 1951. – 1 апреля.
- Джегутанов 1951b – *Джегутанов К.* Май – знамя мира // Красная Черкесия. – 1951. – 1 мая.
- Джегутанов 1951c – *Джегутанов К.* Мир будет спасен // Красная Черкесия. – 1951. – 7 ноября.
- Джегутанов 1952 – *Джегутанов К.* Юный комбайнер // Красная Черкесия. – 1952. – 9 августа.
- Джегутанов 1955 – *Джегутанов К.* Любовь адыгской девушки // Социалистическая Черкесия. – 1955. – 25 октября.
- Джегутанов 1956 – *Джегутанов К.* Тебя пою, отчизна. – Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1956. – 76 с.
- Джегутанов 1958a – *Джегутанов К.* Теперь я понял // Свет коммунизма. – 1958. – 16 октября.
- Джегутанов 1958b – *Джегутанов К.* Рад тебя видеть // Свет коммунизма. – 1958. – 27 ноября.
- Джегутанов 1959 – *Джегутанов К.* Разговор двоих // Свет коммунизма. – 1959. – 1 января.
- Кенжев 1958 – *Кенжев Р.* Всю свою жизнь // Свет коммунизма. – 1958. – 13 ноября.
- Кунижев 1949 – *Кунижев М.* Богатый урожай // Красная Черкесия. – 1949. – 12 июля.
- Лагучев 1950 – *Лагучев Дж.* Не забудем // Красная Черкесия. – 1950. – 28 ноября.
- Лагучев 1951 – *Лагучев Дж.* Роза-трактористка // Красная Черкесия. – 1951. – 8 марта.
- Лагучев 1952 – *Лагучев Дж.* Посылаем салам // Красная Черкесия. – 1952. – 5 апреля.
- Лагучев 1958 – *Лагучев Дж.* На берегу Кубани. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 54 с.
- Малхозов 1941 – *Малхозов М.* Где ты, родной наш Ленин // Красная Черкесия. – 1941. – 21 января.
- Мхце 1983 – *Мхце К.* Поезд судьбы // Мхце К. Рассветные цветы. – Черкесск, 1983. – 143 с.
- Маяковский 1978 – *Маяковский В.В.* Собрание сочинений в 12 т. Т. 3. – М.: Правда, 1978. – 414 с.
- Огузов 1950 – *Огузов Ч.* Защитники родины // Красная Черкесия. – 1950. – 7 ноября.
- Пламя гор 1959 – *Пламя гор* / Составитель Б. Тхайцухов. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1959. – 104 с.
- Ручейки текут к морю 1957 – *Ручейки текут к морю* / Составитель Х. Жиров. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1957. – 72 с.
- Слово горцев 1954 – *Слово горцев* / Составитель З. Хачуков. – Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1954. – 75 с.
- Табулов 1948a – *Табулов И.* Дружно живем // Красная Черкесия. – 1948. – 6 мая.
- Табулов 1948b – *Табулов И.* Жатва пшеницы // Красная Черкесия. – 1948. – 22 июля.
- Табулов 1959 – *Табулов И.* Родной колхоз // Свет коммунизма. – 1959. – 31 марта.
- Тамбиев 1949 – *Тамбиев А.* Великий поэт // Красная Черкесия. – 1949. – 21 мая.
- Тамбиев 1950 – *Тамбиев А.* Радостный день // Красная Черкесия. – 1950. – 1 мая.
- Тхайцухов 1950a – *Тхайцухов Б.* Всем ты верный отец // Красная Черкесия. – 1950. – 21 января.
- Тхайцухов 1950b – *Тхайцухов Б.* Да здравствует Советская армия // Красная Черкесия. – 1950. – 23 февраля.
- Тхайцухов 1951a – *Тхайцухов Б.* Наш герб // Красная Черкесия. – 1951. – 2 марта.
- Тхайцухов 1951b – *Тхайцухов Б.* Аул // Красная Черкесия. – 1951. – 2 марта.

- Тхайцухов 1958а – *Тхайцухов Б.* Искра любви. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 52 с.
- Тхайцухов 1958б – *Тхайцухов Б.* Сон поэта // Свет коммунизма. – 1958. – 13 ноября.
- Физиков 1949 – *Физиков М.* Старик-колхозник // Красная Черкесия. – 1949. – 2 июля.
- Физиков 1950а – *Физиков М.* Радостный день // Красная Черкесия. – 1950. – 1 мая.
- Физиков 1950б – *Физиков М.* Горький – зеркало нашей страны // Красная Черкесия. – 1950. – 18 июня.
- Физиков 1951 – *Физиков М.* Похвалы принадлежат Сталину // Красная Черкесия. – 1951. – 8 марта.
- Физиков 1954 – *Физиков М.* Коммунист // Социалистическая Черкесия. – 1954. – 26 октября.
- Цветение весны 1959 – *Цветение весны.* – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1959 – 119 с.
- Цеков 1956 – *Цеков П.* Счастье надежды // Социалистическая Черкесия. – 1956. – 24 июля.
- Цеков 1958а – *Цеков П.* Наш май // Свет коммунизма. – 1958. – 1 мая.
- Цеков 1958б – *Цеков П.* Подвиг комсомольца. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 37 с.
- Цеков 1959а – *Цеков П.* Наша родина Россия // Свет коммунизма. – 1959. – 30 мая.
- Цеков 1959б – *Цеков П.* Слово о девушке // Свет коммунизма. – 1959. – 11 июля.
- Чикатуев 1958а – *Чикатуев М.* Абазашта // Свет коммунизма. – 1958. – 16 октября.
- Чикатуев 1958б – *Чикатуев М.* Беру апхиярцу. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. – 45 с.
- Чикатуев 1959 – *Чикатуев М.* Песня-гимн // Свет коммунизма. – 1959. – 20 июня.
- Шхаева 1958 – *Шхаева К.* Встанем за мир // Свет коммунизма. – 1958. – 16 октября.
- Шхаева 1959 – *Шхаева К.* Отец // Свет коммунизма. – 1959. – 7 марта.
- Шереметов 1949 – *Шереметов Р.* Доблестный комсомол // Красная Черкесия. – 1949. – 27 августа.
- Эбзеева 1950а – *Эбзеева С.* Лучи коммунизма // Красная Черкесия. – 1950. – 1 мая.
- Эбзеева 1950б – *Эбзеева С.* Весна и молодежь // Красная Черкесия. – 1950. – 27 мая.
- Эбзеева 1955 – *Эбзеева С.* Малочисленный, любимый мой народ // Социалистическая Черкесия. – 1955. – 4 декабря.

REFERENCES

- BRATOV K. *Pomozhem vsem* [Let's Help Everyone]. In: Red Circassia. – 1949. – August 4. (In Russ.).
- BRATOV K. *Ty nash rodnoy, dorogoy* [You Are Our Native, Dear]. In: Red Circassia. – 1949. – December 21. (In Russ.).
- BRATOV K. *Lenin s nami* [Lenin Is With Us]. In: Red Circassia. – 1950. – January 21. (In Russ.).
- BRATOV K. *Nasha pobeda* [Our Victory]. In: Red Circassia. – 1950. – May 9. (In Russ.).
- BRATOV K. *Stalin vedet nas k kommunizmu* [Stalin Leads Us to Communism]. In: Red Circassia. – 1950. – November 7. (In Russ.).
- BRATOV K. *Luch prekrasnoy zhizni* [Ray of a Beautiful Life]. In: Red Circassia. – 1950. – December 5. (In Russ.).
- BRATOV K. *Tovarishch* [Comrade]. In: Voice of the Young. – Cherkessk, 1953. – P. 185. (In Russ.).
- BRATOV K. *Tsvetet moya Cherkesiya* [My Circassia is Blooming]. In: Socialist Circassia. – 1953. – April 30. (In Russ.).
- BRATOV K. *Večer v kolkhoze* [Evening on the Kolkhoz]. In: Socialist Circassia. – 1954. – September 25. (In Russ.).
- BRATOV. *Lenin* [Lenin]. In: Socialist Circassia. – 1956. – April 22. (In Russ.).
- Golos molodykh* [The Voice of the Young] / Compiled by H. Zhironov. – Cherkessk: Circassian Book Publishing House, 1953. – 207 s. (In Russ.).

- DZHEGUTANOV K. *Velikiy vozhd'* [The Great Leader]. In: Red Circassia. – 1950. – April 22. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Moy kray* [My Land]. In: Red Circassia. – 1951. – April 1. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *May – znamya mira* [May is the Banner of Peace]. In: Red Circassia. – 1951. – May 1. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Mir budet spasen* [The World Will Be Saved]. In: Red Circassia. – 1951. – November 7. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Yunyy kombayner* [Young Combine Operator]. In: Red Circassia. – 1952. – August 9. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Lyubov' adygskey devushki* [Love of an Adyghe Girl]. In: Socialist Circassia. – 1955. – October 25. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Tebya poyu, otchizna* [I sing you, fatherland]. – Cherkessk: Circassian Book Publishing House, 1956. – 76 s. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Teper' ya ponyal* [Now I Understand]. In: Light of Communism. – 1958. – October 16. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Rad tebya videt'* [Glad to See You]. In: Light of Communism. – 1958. – November 27. (In Russ.).
- DZHEGUTANOV K. *Razgovor dvoikh* [Conversation of Two]. In: Light of Communism. – 1959. – January 1. (In Russ.).
- KENZHEV R. *Vsyu svoyu zhizn'* [All my life]. In: Light of Communism. – 1958. – November 13. (In Russ.).
- KUNIZHEV M. *Bogatyy urozhay* [Rich harvest]. In: Krasnaya Circassia. – 1949. – July 12. (In Russ.).
- LAGUCHEV J. *Ne zabudem* [Let's not forget]. In: Krasnaya Circassia. – 1950. – November 28. (In Russ.).
- LAGUCHEV J. *Roza-traktoristka* [Rose the tractor driver]. In: Krasnaya Circassia. – 1951. – March 8. (In Russ.).
- LAGUCHEV J. *Posylayem salam* [Sending greetings]. In: Krasnaya Circassia. – 1952. – April 5. (In Russ.).
- LAGUCHEV J. *Na beregu Kubani* [On the shore of the Kuban]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 54 s. (In Russ.).
- MALKHOSOV M. *Gde ty, rodnoy nash Lenin* [Where are you, our dear Lenin]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1941. – January 21. (In Russ.).
- MHTSE K. *Poyezd sud'by* [Train of Destiny]. In: MHTSE K. Dawn Flowers. – Cherkessk, 1983. – 143 p. (In Russ.).
- MAYAKOVSKY V.V. *Sobraniye sochineniy v 12 t. T. 3.* [Collected Works in 12 Volumes. Vol. 3]. – Moscow: Pravda, 1978. – 414 p. (In Russ.).
- OGUZOV Ch. *Zashchitniki rodiny* [Defenders of the Motherland]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1950. – November 7. (In Russ.).
- Plamya gor* [The Flame of the Mountains] / Compiled by B. Taitukhov. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1959. – 104 s. (In Russ.).
- Rucheyki tekut k moryu* [Streams flow to the sea] / Compiled by H. Zhironov. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1957. – 72 s. (In Russ.).
- Slovo gortsev* [The Word of the Highlanders] / Compiled by Z. Khachukov. – Cherkessk: Circassian Book Publishing House, 1954. – 75 s. (In Russ.).
- TABULOV I. *Druzhno zhivem* [We Live Together]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1948. – May 6. (In Russ.).
- TABULOV I. *Zhatva pshenitsy* [Wheat Harvest]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1948. – July 22. (In Russ.).
- TABULOV I. *Rodnoy kolkhoz* [Native Collective Farm]. In: Light of Communism. – 1959. – March 31. (In Russ.).

- TAMBIEV A. *Velikiy poet* [Great Poet]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1949. – May 21. (In Russ.).
- TAMBIEV A. *Radostnyy den'* [Joyful Day]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1950. – May 1. (In Russ.).
- THAYTSUKHOV B. *Vsem ty vernyy otets* [You are a faithful father to everyone]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1950. – January 21. (In Russ.).
- THAYTSUKHOV B. *Da zdravstvuyet Sovetskaya armiya* [Long live the Soviet Army]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1950. – February 23. (In Russ.).
- THAYTSUKHOV B. *Nash gerb* [Our Coat of Arms]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1951. – March 2. (In Russ.).
- THAYTSUKHOV B. *Aul* [Aul]. In: Krasnaya Cherkesiya. – 1951. – March 2. (In Russ.).
- THAYTSUKHOV B. *Son poeta* [A poet's dream]. In: The light of communism. – 1958. – November 13. (In Russ.).
- THAYTSUKHOV B. *Iskra lyubvi* [The Spark of love]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 52 s. (In Russ.).
- FIZIKOV M. *Starik-kolkhoznik* [The Old Collective Farmer]. In: Red Circassia. – 1949. – July 2. (In Russ.).
- FIZIKOV M. *Radostnyy den'* [A Joyful Day]. In: Red Circassia. – 1950. – May 1. (In Russ.).
- FIZIKOV M. *Gor'kiy – zerkalo nashey strany* [Gorky – a Mirror of Our Country]. In: Red Circassia. – 1950. – June 18. (In Russ.).
- FIZIKOV M. *Uborka bogatogo zerna* [Harvesting Rich Grain]. In: Red Circassia. – 1950. – September 9. (In Russ.).
- FIZIKOV M. *Pokhvaly prinadlezhat Stalinu* [Praise Belongs to Stalin]. In: Red Circassia. – 1951. – March 8. (In Russ.).
- FIZIKOV M. *Kommunist* [Communist]. In: Socialist Circassia. – 1954. – October 26. (In Russ.).
- Tsveteniye vesny* [The flowering of spring]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1959. – 119 s. (In Russ.).
- TSEKOV P. *Schast'ye nadezhdy* [The Happiness of Hope]. In: Socialist Circassia. – 1956. – July 24. (In Russ.).
- TSEKOV P. *Nash may* [Our May]. In: Light of Communism. – 1958. – May 1. (In Russ.).
- TSEKOV P. *Podvig komsomol'tsa* [The feat of a Komsomol member]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 37 s. (In Russ.).
- TSEKOV P. *Nasha rodina Rossiya* [Our Homeland Russia]. In: Light of Communism. – 1959. – May 30. (In Russ.).
- TSEKOV P. *Slovo o devushke* [A Word about a Girl]. In: Light of Communism. – 1959. – July 11. (In Russ.).
- CHIKATUEV M. *Abazashta* [Abazashta]. In: Light of Communism. – 1958. – October 16. (In Russ.).
- CHIKATUEV M. *Beru apkhartsu* [I take apkhartsu]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1958. – 45 s. (In Russ.).
- CHIKATUEV M. *Pesnya-gimn* [Song-Hymn]. In: Light of Communism. – 1959. – June 20. (In Russ.).
- SHKHAIEVA K. *Vstanem za mir* [Let's stand up for peace]. In: Light of communism. – 1958. – October 16. (In Russ.).
- SHKHAIEVA K. *Otets* [Father]. In: Light of communism. – 1959. – March 7. (In Russ.).
- SHEREMETOV R. *Doblestnyy komsomol* [Valiant Komsomol]. In: Red Circassia. – 1949. – August 27. (In Russ.).
- EBZEEVA S. *Luchi kommunizma* [Rays of communism]. In: Red Circassia. – 1950. – May 1. (In Russ.).
- EBZEEVA S. *Vesna i molodezh'* [Spring and youth]. In: Red Circassia. – 1950. – May 27. (In Russ.).
- EBZEEVA S. *Malochislenny, lyubimyy moy narod* [My small, beloved people]. In: Socialist Circassia. – 1955. – December 4. (In Russ.).

Информация об авторе

П.К. Чекалов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

P.K. Chekalov – Doctor of Science (Philology), professor.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.12.2024 г.; принята к публикации 27.12.2024 г.

The article was submitted 16.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.